

Бредни-2025

«Бредни» от слова «брeдeнь».

1165. 20250103, пятница.

Есть много причин, заставляющих людей постить или перепостить политические тексты в соц.сетях. Но главная причина — им делать не хрена.

1166. 20250103, пятница.

В ФБ текст Ольги Седаковой:

"Вероятно, в «новое искусство» Толстого лирика бы вообще не вошла – и это естественное продолжение его требования трезвости. Для Рильке же лирика составляет самую сердцевину искусства: «Среди идиом языка прекрасного (видов искусства) лирика – яснейший язык, где сам предмет речи и есть это чувство (чувство связи с «тайной всех вещей»)»...

Чтобы понять, как случилось такое расхождение в противоположные стороны из одной, как будто, точки, вернемся к этой точке, «последнему источнику всех жизней» (Рильке), «единому на потребу» (Толстой).

Рильке видит печальное заблуждение Льва Толстого в том, что «его Бог в прошлом» (из воспоминаний Рильке о визите в Ясную Поляну), а с «прошлым Богом» художнику жить невозможно. «У художника нет за спиной прошлого. У других Бог позади, как воспоминание. Для художника Бог – последнее глубочайшее свершение. Если радостные говорят: Он есть, печальные чувствуют: Он был, художник улыбается: Он будет. Это не только вера, но строительство Его сил и имен. Это долг художника» («Об искусстве»). Если помнить, что это «строительство» у Рильке не имеет ничего общего с пресловутым «богостроительством», а значит, у него что-то вроде результативного созерцания, то «будущий Бог» Рильке, вечно предстоящий смысл всего, не так далек от традиционного «Бога будущего века», Который «будет все во всем» (Кор. 15, 28). Ведь искусство, даже в том случае, когда оно наделяет нас как бы новым прошлым (в чужом опыте мы узнаем как бы уже пережитое нами самими), это приобретенное прошлое – тоже будущее."

Написал комментарий:

Вопрос спорный. У китайцев никакого бога нет (народный нефритовый император — это просто чиновник той части посюстороннего мира, которая на небе, и уж, во всяком случае не Творец). Тем не менее, у них (как и у всех) есть классическая лирическая поэзия.

1167. 20250104, суббота.

Елена Гордеева написала (в ТГ и ФБ), что лебеди не кажутся ей красивыми, а петух кажется.

Отвечаю:

Согласно словарю один из вариантов написания «лебедь» по-китайски 惊鸿 *цзин хун*. В частности, оно встречается в сочетании 翩若惊鸿 *пянь жо цзин хун* — «быстра и стремительна, словно встревоженный лебедь», которое образно говорит о грации красавицы — ну, прям как в русском языке «лебедь-девица». Но дело в том, что 惊鸿 *цзин хун*, строго говоря, означает не «испуганная лебедь», а «испуганный гусь» — гусь 鸿 *хун* (гусь-гуменник *Anser fabalis*). Этот гусь в сочетании со словом «приходить/прибывать/приносить» означает послание/весточку/письмо издалека — 来鸿 *лай хун*. Также как 雁 *янь* — гусь белолобый (*Anser albifrons*) или вообще 信禽 *синь цинь* — букв. «письмо-птица», также как 信鸽 *синь гэ* — «письмо-голубь», т.е. почтовый голубь. Впрочем, и в русском языке есть выражение «гуси-лебеди». Круг замкнулся. Петух, конечно, вне конкуренции, но, может быть, «гуси-лебеди» тебя утешат и как-то примирят с лебедем.

1168. 20250104, суббота.

Я понял, почему в советской (да и не только советской) фантастике, которую можно отнести к жанру (коммунистической, что, впрочем, неважно) утопии, а не анти-утопии, обязательно присутствуют межзвёздные полёты, встречи с внеземным разумом, космические катастрофы и т.п. Если общество идеально (или близко к тому), требуется что-то, что взбадривает жизнь: опасности, проблемы, трудности. И чем более они угрожающи, тем лучше.

1169. 20250101, среда.

Из письма Хэ Фань (贺梵) по поводу её статьи «Влияние китайской даосской мысли на поэтическое творчество современного русского поэта Бурдонова» (中国道家思想对俄国当代诗人布尔东诺夫诗歌创作的影响).

Хэ Фань:

Это заставляет меня задуматься о том, что заставляет Бурдонова, который тоже устал от реальной жизни, восхищаться им [Тао Юань-мином].

Мой ответ:

Я бы не сказал, что я «устал от реальной жизни» (现实生活感到厌倦). Другое дело, что в некоторых моих стихах «устал от реальной жизни» лирический герой стихотворения. Но я не тождествен лирическому герою моих стихотворений. С другой стороны, то, что Вы пишете дальше после этой фразы, во многом верно. Наверное, тогда я отражал в своих стихах что-то из общих настроений и чувств людей, что-то из моих собственных настроений и чувств. Наверное, были моменты, когда я чувствовал, что «устал от реальной жизни», но это были, скорее, моменты, а не постоянное состояние. В России есть люди, которые вспоминают те годы (90-е годы) как очень хорошие годы, есть другие люди, которые вспоминают те годы (90-е годы) как очень плохие годы. Я думаю, что было и то и другое, хотя, наверное, можно было пойти по другому пути (некоторые говорят о «китайском пути»), но история не знает сослагательного наклонения: что было, то было. В общем, на Ваше усмотрение: хотите, поправьте эту фразу, хотите, оставьте, как есть.

1170. 20250101, среда.

Из письма Хэ Фань (贺梵) по поводу её статьи «Влияние китайской даосской мысли на поэтическое творчество современного русского поэта Бурдонова» (中国道家思想对俄国当代诗人布尔东诺夫诗歌创作的影响).

С фразой «布尔东诺夫偶尔还会反驳《道德经》» (Бурдонов время от времени опровергает «Дао Дэ Цзин») по поводу главы 80 я не соглашусь. Здесь у меня, скорее, ирония (那为什么人们顽强劳作/这么多的世纪? Для чего же тогда люди упорно трудились столько веков?) и лёгкое сожаление о том, что идеал Лао-цзы неосуществим. Более того, Липовка (не реальная, а та, что в 《道德里坡纬》 Дао Дэ Ли По вэй) — это в некотором роде и есть такой идеал Лао-цзы, который, правда, лишь в отдельные моменты времени виден, а так это «里坡甫卡...一个普通的村子.» (Липовка — это просто деревня). Мне кажется, это видно в самой строфе: “胡说些什么!” —— / 我心里想着, 随意坐在台阶上, / 用手抚摸那条狗肚子上的白毛。 ("Что за чушь!" — думаю я, беспечно садясь на ступени и почёсывая Тузику белое брюшко.). Хотя, поскольку идеал Лао-цзы неосуществим, может быть, Вы и правы: 反驳《道德经》 (опровергаю Дао Дэ цзин).

1171. 20250101, среда.

Из письма Хэ Фань (贺梵) по поводу её статьи «Влияние китайской даосской мысли на поэтическое творчество современного русского поэта Бурдонова» (中国道家思想对俄国当代诗人布尔东诺夫诗歌创作的影响).

Раздел 3 [статьи].

Честно говоря, здесь речь идёт не столько о Лао-цзы, сколько о Конфуции. И это естественно, как только затрагиваются вопросы социальной жизни и политики. Я был впечатлён вашими ссылками на мои посты в «ВКонтакте». Если Вы заглядывали в информацию обо мне в «ВКонтакте», то, наверное, видели, что на вопрос «Мировоззрение» я написал «Конфуцианство». Но мой интерес к Китаю действительно начинался (как, наверное, у всех россиян) с даосизма, с Лао-цзы, Чжуан-цзы. И хотя тогда же (1986 г.) я прочитал и перевод отдельных глав «Лунь Юй» в двухтомнике «Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах. 1972 г.», но единственное, что понял у Конфуция, так это то, что я чего-то не понимаю. Почти как (когда-то мой любимый философ) Гегель, который писал «для славы Конфуция было бы лучше, если бы его произведения не были бы переведены». И только много позже...

В сентябре 2024 года в Циндао на горе Лаошань (崂山) у подножия гигантской статуи Лао-цзы я увидел скульптурную группу, изображающую легендарную встречу Лао-цзы и Конфуция. (Об этом моё 14-е стихотворение, написанное в Китае в сентябре 2024: «Хорошими делами прославиться нельзя!» “高尚的善行不必传颂!”) Как я понял, среди учёных нет единого мнения о том, была ли такая встреча в реальности или нет, хотя она и описаны в «Чжуан-цзы» и в «Ши цзи». Но с точки зрения не истории, а мировоззрения, это не важно. Важно то, что, как я когда-то прочитал (уже не помню где), в своём истоке учения Лао-цзы и Конфуция едины, они тождественны в чём-то самом главном и глубоком. Эта мысль мне запала в голову, и тогда я постепенно стал понимать Конфуция. В традиционной иконографии этой легендарной встречи третьим участником, как правило, изображается стоящий между ними (Лао-цзы и Конфуцием) и таким образом объединяющий их ребенок. Вот я и представляю себя таким ребёнком, хотя уже давно не ребёнок, и, наверное, мне больше подходит определение «старик». Но ведь и имя «Лао-цзы» «老子» переводят не только как «Учитель Лао», но и как «Старый Ребёнок».

Ваша статья называется «Влияние китайской даосской мысли на поэтическое творчество современного русского поэта Бурдонова».

Интересно было бы прочитать статью с названием «Влияние китайской конфуцианской мысли на поэтическое творчество современного русского поэта Бурдонова».

Это я шутю :))

Из письма Хэ Фань (贺梵) по поводу её статьи «Влияние китайской даосской мысли на поэтическое творчество современного русского поэта Бурдонова» (中国道家思想对俄国当代诗人布尔东诺夫诗歌创作的影响).

О недостатках современной городской жизни, о Липовке и о 90-х годах.

Тут есть три разные вещи: А) что происходило в стране, В) что происходило в моей жизни и как я к этому относился тогда, С) как я всё это вижу сейчас, спустя три десятилетия.

Это немного выходит за рамки «Дао Дэ Липовка вэй» и вообще за рамки моих тогдашних стихов. В принципе Вы в статье можете исходить из моих стихов, Вы же не обязаны знать всего остального. Но, поскольку, как я понял, Вам интересно, я расскажу, что смогу.

Сначала лично моя история (В).

Работа.

В 70-е и начале 80-х годов я бы настолько увлечён работой, что даже стихи почти не писал (до условного 84-го года я написал меньше стихов, чем за один 2024 год). После окончания мех-мата МГУ мне посчастливилось попасть в очень хороший научный коллектив, который занимался очень интересными крупными проектами. Сначала это был многомашинный вычислительный комплекс АС-6, который участвовал в обеспечении полётов советско-американского космического полёта Союз-Аполлон. У меня есть памятная медаль об этом. Я защитил на этом свою кандидатскую диссертацию. Потом был советский супер-компьютер «Электроника СС-БИС». А потом всё пошло резко вниз. Вот характерные названия статей о тех временах: «Потерянное поколение советских ЭВМ», «УПУЩЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ», «Государственное преступление».

В 80-х годах мы начали работать над кластерной операционной системой (КЛОС) и вообще кластерной технологией программирования. Эту работу вспоминают до сих пор. В начале 90-х мы с моим коллегой ещё продолжали что-то придумывать в этом направлении, но уже понимали, что это никому не нужно.

Я это вижу по графику числа моих научных статей. Поскольку статьи пишутся после окончания работы с некоторым запозданием, то в самом начале 90-х ещё публиковались статьи о КЛОС. Последняя была в 1992-м году. Потом 3 года молчания.

И только в 1996 г. появилась первая моя статья, но уже совсем на другую тему. Это потому, что в 1994 г. наш институт заключил многолетний контракт с канадской телекоммуникационной компанией NORTEL NETWORKS. Мы занялись спецификацией и тестированием программ. Институт пошёл в гору и моя зарплата вместе с ним стала расти.

Деньги и то, что можно купить за деньги.

Нам как-то всегда хватало тех денег, что зарабатывали я и моя жена Кадрия. По моим наблюдениям наши желания как-то естественно соизмерялись с нашими возможностями. При советской власти государство обеспечило нас жильём: сначала в освободившихся комнатах большой коммунальной квартиры, где я родился и вырос, а потом (1976 г.) наш дом сломали и нам дали ту квартиру, в которой мы и сейчас живём. Это, конечно, резко отличается от ситуации с жильём у современной молодёжи, которая вынуждена брать ипотеку, обрекая себя на годы кабалы.

Но, конечно, в 90-х годах, особенно, в первой половине, было иногда трудно. Я помню, что пришлось перейти на дешёвые сигареты, потому что болгарские сигареты, которые я курил, исчезли с прилавков, да и эти дешёвые иногда было трудно купить. Были и талоны на водку. Тогда она продавалась в смешных бутылках по 0,33 л. Много позже я как-то был в гостях и попробовал той водки, сохранившейся у хозяев. Страшная гадость! А на работе мы установили электрическую плитку и варили себе суп из пакетиков ещё советского производства. Запах разносился по всему институту, нам даже завидовали. Может быть, кто-то вспоминает подобные случаи с ужасом, но мне скорее смешно.

Между прочим, когда в 1990-м мы купили дом в деревне Липовка, нам это очень помогло. Мы там летом выращивали на огороде всякие овощи, в лесу собирали грибы, в лугах собирали ягоды, а картошку нам давали соседи (деревенские жители). А пили уже даже не водку, а разводили спирт, иностранный, который появился в магазинах, со смешными «музыкальными» названиями: Моцарт, Рояль и т.п.

В нашей московской квартире мы делали первый косметический ремонт в 80-х годах, а второй ремонт, более существенный, сумели сделать в 1998 г., успев расплатиться с долгами как раз перед дефолтом 1998 г., так что нас этот дефолт практически не затронул.

Политика.

В конце 80-х и начале 90-х годов мы с женой, как и многие в России, увлеклись политикой. Тогда был большой подъём «демократических» настроений в обществе. Мы даже были членами Демократической партии России (ДПР), входили в правление отделения партии нашего района Москвы, а я входил в состав политического совета московской организации ДПР. Один из наших друзей по этому делу даже попал в Государственную Думу первого созыва. Нас было 6-7 ближайших друзей, мы регулярно собирались вместе многие годы, пили водку и обсуждали политические события. С некоторого времени — уже как воспоминания.

В 1991 г. наша партия выступила против развала СССР. А потом против реформ Гайдара. Сейчас эта партия, если и существует, ото уже ничего не значит.

С середины 90-х я отошёл от политической деятельности. Теперь я только наблюдаю за происходящими событиями.

Что же было в 90-х годах? (А) Как я это вижу сейчас? (С).

С одной стороны, это было неизбежно. Как сказали бы древние китайцы, советская власть «утратила небесный мандат». Но те же древние китайцы, говоря о крушении династии, высказывают не радость, а сожаление. Я никогда не состоял в коммунистической партии (был комсомольцем, но тогда почти все молодые люди были комсомольцами), но я большую часть жизни жил в СССР, учился в советской школе и советском вузе и т.д. И я никогда не был антикоммунистом.

Мои взгляды менялись вместе с изменениями в моей стране. А ещё — вместе с погружением в китайскую историю, философию и культуру. Я не знаю, что здесь причина, а что следствие: китайская культура повлияла на мои взгляды или мои взгляды были такими, что мне оказалась близка китайская культура.

90-е годы были сложным периодом в жизни России. Я не могу дать им однозначную оценку. Слишком многое делалось неправильно, но дело в том, что что-то надо было всё равно делать. Может быть, можно было делать иначе, но я уже писал: история не знает сослагательного наклонения.

Я отношусь с одинаковым уважением и пониманием ко всем периодам истории.

Вы написали: «Мне кажется, вы имели в виду, что иногда вы тоже устаёте от реальной жизни, но это было раньше, и теперь вы удовлетворены». Здесь мне придётся позвать на помощь Гегеля с его диалектикой: жизнь

противоречива и отношение к жизни тоже противоречиво. Я и устал и не устал, я удовлетворён и не удовлетворён. Чему нас учит «И цзин»? Всё есть перемены: за расцветом следует упадок, за упадком следует расцвет. И всё имеет свой предел, за которым превращается в свою противоположность. Это случилось с советской властью, это случилось и с 90-ми годами. 飄風不終朝，驟雨不終日。 — Быстрый ветер не продолжается все утро, сильный дождь не продержится весь день.

Я знаю, что ещё со времён Конфуция китайцы любят давать моральные оценки происшедшим событиям и людям, участвовавшим в них. Я с этим согласен, но с одной важной поправкой: эти моральные оценки нужны людям, живущим здесь и сейчас. Иными словами, нужно извлекать уроки из истории, но сама история какая была, такая и была.

В связи с этим я вспоминаю один случай. Китаист и переводчик С. А. Торопцев вспоминает, как он познакомился с семьёй Ли Ли-саня 李立三(1899–1967), одного из вождей КПК, казнённого в годы «культурной революции»: его русской вдовой Елизаветой Петровной Кишкиной (профессор русского языка, китайское имя Ли Ша 李莎, 1914-2015) и их дочерьми Инной (Ли Ин-нань 李英男, 1943 г.р., в наст. время руководитель Русского центра Пекинского университета иностранных языков) и Аллой. Торопцев говорит: «С Аллой и её мужем Валерием мы проезжали в январе 1988 г. мимо здания тюрьмы, где сестры вместе с матерью сидели в камере, и я довольно прямолинейно спросил: «Вы ненавидите Мао Цзэ-дуна?» — и услышал примечательный и мудрый ответ: «Нет. Не он, так другой нашёлся бы. К этому вела история».

Это я не к тому, что Мао Цзэ-дуна надо любить, а к тому, о чём говорил Григорий Померанц: «Дьявол начинается с пены на губах ангела, вступившего в бой за святое правое дело».

Китайцы дали такую оценку: Мао сделал на 70% хороших дел и на 30% плохих. Интересно, что такую же оценку дал сам Мао Цзэдун Сталину (как ответ на разоблачения в тайном докладе Хрущёва): 70 % побед и 30 % ошибок.

Я всё же не китаец: вот чего во мне нет «китайского», так это стремления и желания классифицировать. Но всё же попробую применительно к «городской жизни» и «Липовке». Я люблю русскую деревню, люблю природу, но жить предпочитаю всё же в городе. Город иногда ужасен, от него иногда устаёшь и нужен отдых: в деревне, на природе. Деревня и

природа замечательны, но они усыпляют, начинаешь скучать. А жизнь — это как раз сочетание. В общем 70% город и 30% деревня и природа.

1173. 20250102, четверг.

Из письма Хэ Фань (贺梵) по поводу её статьи «Влияние китайской даосской мысли на поэтическое творчество современного русского поэта Бурдонова» (中国道家思想对俄国当代诗人布尔东诺夫诗歌创作的影响).

80-я глава «Даодэцзин».

По поводу фразы «люди до самой старости и смерти не посещают друг друга». В комментарии переводчика Вячеслава Малявина сказано: «согласно некоторым спискам, жители утопии Лао-цзы, не желая "знать друг с другом", в равной мере "никогда не прощаются друг с другом"». Мне кажется, это как семья, в которой мужу и жене нет нужды ходить друг к другу в гости и, следовательно, они не прощаются друг с другом, они просто живут вместе.

Даже такая провокационная фраза как «Пусть люди завязывают узелки вместо письма» не так однозначна. Действительно ли Лао-цзы хотел, чтобы люди отказались от письменности? Как же тогда он сам-то написал 5000 иероглифов? В. Малявин приводит комментарий У Чэна: «если восстановить древний порядок завязывания узелков, не понадобится заключать письменные обязательства». Иными словами, речь может идти о том, что люди будут настолько доверять друг другу, что им не понадобятся долговые расписки. Но это в узком смысле. А в широком смысле это напоминает слова Чжуанцзы: 吾安得忘言之人而與之言哉? — Где бы мне отыскать забывшего про слова человека, чтобы с ним поговорить!. И перекликающиеся с ними слова Тао Юань-мина: 此中有真意, 欲辯已忘言。 — Я хочу рассказать, и уже я забыл слова.

Вообще вся эта глава, на мой взгляд, рисует не столько идеальное общество, это не столько утопия, сколько анти-реальность. Лао-цзы недоволен положением дел и состоянием нравов в Чжоуском государстве, и поэтому противопоставляет этому то, что он написал. Это как горожанин, которому осточертела городская жизнь, бежит на природу, в деревню. Но пройдёт время, и он вернётся в город. В. Малявин пишет, что «Чэн Сюаньин, например, увидел в упоминаемом здесь государстве аллегория сердца». Иными словами, в сердце каждого горожанина живёт деревня, в сердце каждого конфуцианца живёт даос.

Когда я говорю «Что за чушь!», я возражаю буквальному смыслу слов Лао-цзы. Но я думаю это, «беспечно садясь на ступени и почёсывая Тузику белое брюшко», т.е. делаю ровно то, что пишет Лао-цзы, я рисую такую пасторальную картинку.

Иными словами, если я противоречу 80-й главе «Даодэцзин», то в том же смысле, в каком Лао-цзы противоречит сам себе в этой главе. В. Малявин всё в том же комментарии к 80-й главе пишет: «Считать ли даосскую "утопию" полемической альтернативой существующим порядкам? Все, что мы знаем о Лао-цзы, не дает оснований так полагать. Но есть еще одна версия: принять эту поэтическую утопию... за правдивое свидетельство о покое и радости просветленного... Речь идет о полной гармонии человеческого сознания и бытия или даже, точнее, быта, когда в обществе нет никакой почвы для соперничества и, следовательно, в нем нет ни злобы, ни насилия, ни тоски».

Лао-цзы и Конфуций — две стороны одной монеты. История подбрасывает монету, и она падает той одной стороной, то другой. Ритм человеческого сердца — это ритм диалога Лао-цзы и Конфуция. Читая Лао-цзы, я думаю о Конфуции. Читая Конфуция, я думаю о Лао-цзы.

1174. 20250107, вторник.

Из письма Хэ Фань (贺梵) по поводу её статьи «Влияние китайской даосской мысли на поэтическое творчество современного русского поэта Бурдонова» (中国道家思想对俄国当代诗人布尔东诺夫诗歌创作的影响).

Хэ Фань: Хотя в литературоведении существует концепция «смерти автора», я хотела бы быть верным тексту автора, в данном случае Вашему творчеству.

Мой ответ:

Я не настаиваю на правильности моего понимания [«Дао Дэ цзин»]: мы ведь на самом деле не знаем, что думал о тексте «Дао Дэ цзин» сам Лао-цзы, мы видим только текст. Это уже близко к концепции «смерти автора».

Но я всё-таки не вполне согласен с этой концепцией, хотя в ней есть много нового, интересного и верного. Это всё в русле постмодернизма, который, как мне кажется, уже сам начинает «умирать». Это всё придумали французы, которых я когда-то с удовольствием читал (а Жака Деррида читал не так давно, несколько лет назад). Но до этого я с ещё бóльшим удовольствием читал немецких философов 18-19 веков, а также Маркса, Энгельса и Ленина,

да и Хайдеггера тоже. А уже после изучения китайских философов совсем понял, что ни на чём не нужно останавливаться.

«Смерть автора» напомнила мне беседу, которая была у нас с Гу Юем. В письмах мы обменивались мыслями по поводу «лирического героя» — «лирического “я”». В русском литературоведении его придумал Ю. Тынянов в 1921 г. Гу Юй писал, что, по его мнению, в большинстве китайских стихотворений «лирический герой» «не отсутствует, его не пропустили. Он существует, но не проявляется. Он скрытый (隱形)». С этим связано и употребление личных местоимений. Гу Юй (а также, например, И. Смирнов, советский и российский синолог, директор Института восточных культур и античности РГГУ в своей очень интересной статье «Русское инфинитивное письмо и китайская классическая поэзия», написанной совместно с А.К. Жолковским, советским и американским лингвистом и литературоведом) обращает внимание на то, что в русском переводе китайских стихов почти всегда появляется «я», которого нет в китайском оригинале. И это связано не только с особенностями русского и китайского языков, но и с тем, что в китайских стихах «лирический герой» «скрыт», а русских стихах он обычно на первом плане. Далее Гу Юй пишет: «Удивительно то, что когда читатель читает эти стихи [где «лирический герой» «скрыт» — И.Б.], он чувствует себя как автора, значит, он превращается в автора». И это тоже перекликается с концепцией «смерти автора».

По поводу автора и текста я бы сказал так. Конечно, текст не является собственностью автора также как сын или дочь не является собственностью матери или отца. Но и связь автора с его текстом столь же сильна, как связь ребёнка с его родителями. После того, как текст создан автором, текст начинает жить своей жизнью, вступая в разнообразные отношения с читателем. Так же и ребёнок, вырастая, заводит друзей, женится или выходит замуж, заводит свою семью и т.д. Я по вечерам люблю смотреть по телевизору детективные фильмы, так вот там при расследовании преступлений следователи обязательно стараются узнать, кто родители жертвы, это помогает раскрыть преступление. Так же и с текстом. Чем меньше мы знаем о его авторе, тем больше нам хочется о нём узнать, чтобы «раскрыть» текст.

В древности анонимность текстов была почти нормой. Авторов большинства стихотворений «Ши цзин» мы не знаем. Так что «смерть автора» — это в некотором роде замыкание круга.

В русском языке есть два слова: «хоронить» и «хранить». Первое означает «погребать, предавать земле», от этого существительное «похороны».

Второе означает «сохранить». Но происходят эти слова от одного и того же древне-русского слова «хоронити». Автор хоронит себя в тексте, текст сохраняется в читателе. Я сейчас читаю новый полный перевод «Шу цзин», который сделала Г.С. Попова. Древние уделяли очень большое внимание жертвоприношениям предкам, считалось, что связь с предками существует, и предки могут влиять на жизнь людей в настоящем. Но ведь то же самое и с авторами текстов. Авторы большинства классических текстов уже умерли, а их тексты по-прежнему влияют на жизнь людей. Установление авторства и связи автора и текста — это тоже своего рода жертвоприношение предкам.

1175. 20250115, среда.

Стихи существуют не для того, чтобы их читать, а для того, чтобы их писать. То, что некоторые стихи всё же читают, не поддаётся объяснению.

1176. 20250118, суббота.

ИИ

Я вот чего подумал: это же хорошо, что ИИ умеет писать стихи, сочинять музыку и рисовать картины.

Люди бросят заниматься всякой фигнёй и, наконец, вымоют посуду, подметут улицу, посадят леса, полетят на Марс.

Конечно, отдельные неисправимые личности продолжат писать стихи, сочинять музыку и рисовать картины.

Но это не страшно, их же мало будет.

1165. 20250118, суббота.

ЗАПЯТАЯ

Похоже что люди, запомнили из правил, орфографии только одно: запятую, ставят там где, пауза.

А пауза там где, хочется.